

ЕЛЕНА НЕКРАСОВА

ОТРАЖЕНИЕ:

один сон на двоих

— Шагни из сна в реальность —

Елена Некрасова

Отражение: Один сон на двоих

«Автор»

2026

Некрасова Е.

Отражение: Один сон на двоих / Е. Некрасова — «Автор», 2026

Отражение: Один сон на двоих
Шагни из сна в реальность
Аннотация:
Пятнадцать лет назад страшная автокатастрофа навсегда изменила судьбы двух семей. С тех пор Маша выросла замкнутой, но невероятно талантливой художницей, которая привыкла говорить с миром через свои холсты. Артём же — уверенный в себе капитан школьной баскетбольной команды, целеустремленный спортсмен и любимец публики. Они живут совершенно разными жизнями и никогда не встречались наяву, пока однажды не начинают видеть один сон на двоих. Их свидания в мире грез на старом городском мосту и в заснеженной кофейне кажутся пугающе реальными. А когда Артём случайно находит забытый в кафе скетчбук со своим портретом, он осознает: синеглазая девушка-мираж существует на самом деле. Теперь им предстоит найти друг друга в огромном городе. Но они даже не подозревают, что их встреча была предначертана судьбой, а их зарождающейся любви предстоит пройти через суровое испытание реальностью и исцелить глубокие раны прошлого.

© Некрасова Е., 2026

© Автор, 2026

Елена Некрасова

Отражение: Один сон на двоих

Был жаркий июньский день. На трассе царил суёт — все сбежались на помощь пострадавшим в аварии. Водитель черной машины не справился с управлением и на огромной скорости протаранил встречный автомобиль, в котором ехала молодая семья: мама, папа и маленькая девочка.

Отец погиб на месте. Мама, теряя сознание, из последних сил умоляла спасти малышку.

— Машенька, не плачь... — едва слышно шептала молодая женщина. Она не могла пошевелиться. — Не плачь, доченька... Помогите...

Это были её последние слова перед тем, как тьма окончательно поглотила её. Кто-то с трудом открыл искореженные задние двери и достал плачущую девчушку. Чудом уцелевшая малышка с темными волосиками и огромными синими глазами испуганно смотрела на незнакомых людей. И её плач не прекращался.

В тот роковой день Маша осиротела. Девочку отвезли в больницу, куда вскоре примчалась бабушка, Валентина Павловна — единственный оставшийся у неё родной человек. В один миг эта женщина потеряла любимую дочь Лизу и зятя Мишу.

Когда Валентина Павловна, едва держась на ногах от горя, вошла в палату, двухлетняя Маша сразу потянула к ней ручки и жалобно захныкала. Бабушка крепко прижала к себе малышку. С того самого момента девочка больше никого к себе не подпускала: она пряталась и отворачивалась от любых чужих лиц.

Это воспоминание навсегда врезалось в память Валентины Павловны как самое тяжелое в её жизни. Невыносимая боль за дочь, за зятя и, конечно, за внуку стала её постоянным спутником.

Валентина Павловна забрала девочку к себе домой. Маша стала её единственной отдушиной, её лучиком света. Девочка росла поразительно похожей на маму: те же синие глаза, тот же цвет волос... Один в один. С годами сходство стало настолько точным, что бабушка порой случайно называла её Лизонькой.

Она окружила сироту теплом и заботой: читала на ночь сказки, пекла самые вкусные пироги и учила музыку, так как сама преподавала в музыкальной школе.

Но лучше всего у Маши получалось рисовать. В этом проявился талант отца. Миша был одаренным молодым архитектором и подавал большие надежды (а Лиза, мама Маши, была учителем русского языка и литературы).

С самого раннего детства Маша создавала удивительно красивые, осознанные картины — совсем как взрослая. Она постоянно просила новые краски и могла сидеть за холстами часами. Вскоре её приняли в художественную школу, где она по праву стала лучшей ученицей.

Время, как известно, не стирает память, но оно учит жить с потерей. Для Валентины Павловны смыслом жизни стала внучка, а для Маши главным способом говорить с миром — холсты и краски.

Прошло пятнадцать лет. В небольшой, но светлой квартире Валентины Павловны, как и в раннем Машином детстве, пахло ванилью, печеными яблоками и... масляным растворителем. Маше исполнилось семнадцать. Из маленькой, напуганной девочки она превратилась в стройную, задумчивую девушку. Её темные волосы тяжелой волной падали на плечи, а в огромных синих глазах порой мелькала недетская глубина и легкая грусть.

Она стояла у деревянного мольберта возле открытого окна, впуская в комнату свежий весенний ветер. На холсте вырисовывались четкие, стройные линии старого городского здания — словно невидимая рука отца направляла её кисть, выстраивая идеальную перспективу.

Валентина Павловна тихонько приоткрыла дверь, держа в руках поднос с чаем и кусочком пирога.

— Снова забыла про завтрак, Лизонька... ой, прости, Машенька, — с теплой, но слегка виноватой улыбкой поправила саму себя бабушка, ставя поднос на краешек стола.

Маша отложила палитру, вытерла перепачканные краской пальцы о фартук и подошла к Валентине Павловне, нежно обняв её за хрупкие плечи.

— Ничего, ба. Всё хорошо, — тихо ответила Маша, глядя на свой незаконченный холст. — Знаешь, когда я рисую эти здания, мне кажется, что я немного узнаю его. Словно мы общаемся.

Валентина Павловна тихонько вздохнула, присаживаясь на край старенького кресла. Её глаза, окруженные тонкой сеточкой морщин, потеплели, когда она посмотрела на неоконченную картину.

— Они бы очень тобой гордились, девочка моя, — голос бабушки был тихим, но твердым. — У тебя его понимание формы, его строгость линий. Но вот этот свет... этот мягкий, теплый свет в окнах на твоих картинах — это напоминание о маме.

Маша взяла чашку с чаем, согревая о горячий фарфор озябшие от весеннего сквозняка пальцы. В комнате повисла уютная, понимающая тишина, в которой тиканье старых настенных часов казалось сердцебиением самого дома.

— Как бы я хотела помнить их лица, не глядя на старые фотографии, ба, — Маша сделала глоток, не отрывая взгляда от нарисованных фасадов.

Столько переживаний внутри...

Впереди оставались только школьные экзамены и выпускной, к которому так трепетно готовились девочки. Для большинства одноклассников этот вечер казался едва ли не главным событием года. Но мысли Маши занимало совсем другое: её пугало грядущее поступление и неизбежное расставание с лучшей подругой.

Её единственной и самой близкой подругой была Настя — одноклассница, жившая по соседству. Они дружили с первого класса: вместе ездили в лагерь, гуляли по городу и праздновали дни рождения, а летом Настины родители брали Машу с собой на дачу.

Девочки были полными противоположностями. Настя — настоящий эмоциональный ураган. Яркая, общительная, она всегда находилась в центре внимания, но по-настоящему искренне дружила только с Машей. Она же стала её главной защитницей. Никто не смел обидеть тихую художницу, потому что смелая и острая на язык Настя могла поставить на место любого. Она доверяла Маше все свои секреты, точно зная: её подруга — самый искренний, добрый и надёжный человек на свете.

И бабушку Валентину Павловну Настя тоже любила, как родную.

Тишину комнаты, нарушаемую лишь мерным тиканьем часов, внезапно разорвал залистый, нетерпеливый звонок в дверь. За ним последовал громкий, ритмичный стук — так стучала только она.

— А вот и наш ураган, — Валентина Павловна по-доброму рассмеялась, опираясь на подлокотники кресла, и легкая грусть мгновенно улетучилась из её глаз. — Иди открывай, Машенька, а то она нам сейчас снесет дверь. А я пойду достану еще одну чашку.

Маша едва успела повернуть замок, как в маленькую прихожую ворвался настоящий весенний вихрь. Настя — в распахнутой яркой ветровке, с растрепанными от ветра волосами и румянцем на щеках — с ходу сгребла подругу в крепкие объятия.

— Машка, ты опять в своих растворителях по уши! — звонко возмутилась Настя, чмокнув Машу в щеку и тут же заглядывая вглубь квартиры. — Бабуль Валя, доброе утро! Я почувствовала запах вашего пирога еще на первом этаже! Честное слово, бросила все дела и прибежала!

Настя скинула кроссовки и по-хозяйски протопала в комнату. Она остановилась перед мольбертом, склонив голову набок. На секунду её привычная суетливость исчезла, уступив место искреннему восхищению.

— Ого... Слушай, это действительно сильно. Прямо как живое, — тихо произнесла Настя, рассматривая строгие линии на холсте. Затем она резко обернулась, и в её глазах снова запылали неугомонные искры. — Но! Искусство искусством, а поступление по расписанию. Ты портфолио в папку собрала? Или мы опять будем в последнюю ночь перед приемной комиссией твои эскизы по полу раскладывать? Я, между прочим, специально пришла проконтролировать, чтобы ты не застряла в своих облаках!

Маша улыбнулась, вытирая руки о фартук. Она чувствовала, как от шумного присутствия Насти в квартире стало не просто уютно, а по-настоящему радостно.

— Вот я не представляю, как ты будешь без меня, а я — без тебя. Так непривычно. Жаль, я не умею так красиво писать картины, как ты! — сказала Настя.

— Зато я не умею так, как ты, писать сочинения и статьи, не умею так легко общаться с людьми. Журналистика — это твоё призвание, Настя. И да, я буду очень скучать. Только благодаря тебе мои школьные годы прошли так спокойно! Ну, конечно, относительно спокойно. Где ты, а где спокойствие! — девочки весело рассмеялись.

Они начали перебирать эскизы, рисунки, дипломы об участии во всевозможных конкурсах. Вся Машина творческая жизнь постепенно складывалась в огромную увесистую папку. Это был такой важный этап. Маша с особым трепетом и бережностью прикасалась ко всем бумагам. В этот момент она живо представляла родителей: казалось, их незримые образы стояли совсем рядом и тепло улыбались.

— Маша, сегодня предстоит твоё самое нелюбимое дело. Мы идём за платьем на выпускной!

Маша тут же страдальчески поморщилась. Походы по магазинам действительно были для неё настоящей мукой. Но она понимала: подруга не отстанет, да и деваться некуда — выпускной совсем скоро.

— Так, смывай свой боевой масляный раскрас и переодевайся! — скомандовала Настя. Маша обреченно, но послушно побрела в ванную.

Девочки весело сбежали по лестнице и выпорхнули из подъезда на улицу. Весна... Буйные краски и свежие запахи. Теплые лучи солнца коснулись их радостных лиц, а легкий ветер развеивал волосы. Они беззаботно щебетали, словно птички. Две юные, красивые девушки невольно привлекали к себе внимание. Прохожие не могли сдержать улыбок — возможно, кто-то из них вспоминал себя в такие же светлые моменты юности.

Когда они добрались до торгового центра, Маша с легким ужасом посмотрела на огромное многоэтажное здание и с тяжелым вздохом шагнула через стеклянные двери.

И началось. Бесконечные витрины, вешалки, примерки...

Пока не появилось оно — синее платье. Точь-в-точь под цвет Машиных глаз. Настя завороженно смотрела на подругу:

— Машка, это оно! То самое! Какая же ты красивая! Ура!

Маша и сама себя не узнавала. Платье село настолько идеально и гармонично, что преобразило её до неузнаваемости, а синие глаза в его обрамлении стали казаться по-настоящему бездонными. Девушка покрутилась перед огромным зеркалом. И в какой-то момент, подняв взгляд, она вдруг увидела в отражении себя — счастливую, улыбающуюся, — а прямо за её спиной стоял высокий молодой человек и нежно сжимал её руку.

Маша тихонько ахнула... Наваждение мгновенно растаяло.

— Что, Маш, сама в шоке? — радостно усмехнулась Настя. — Я тоже от такой красоты в шоке!

Но Маша была поражена совсем другим. Неужели ей просто показалось? Или всё-таки нет?

«Абсурд, — приказала себе Маша, зажмурившись на секунду. — Лица я не рассмотрела. Да и откуда там взяться парню? У меня из кавалеров только гипсовый Аполлон в художке, да и тот безрукий. Это просто игра света в зеркале. Или токсикоз от масляных растворителей. Надо больше спать».

Мысли хаотично скакали в голове. Надо же было такому привидеться!

Но главное дело было сделано: идеальное платье покоилось в фирменном пакете, а значит, можно было со спокойной совестью восполнить потраченные нервные клетки сладким.

Маша, тихая и все еще слегка задумчивая, сидела на фуд-корте, методично расправляясь с чизкейком и запивая его капучино. Настя, напротив, традиционно работала в режиме радиоприемника, у которого сломалась кнопка выключения.

— Маш, Земля вызывает Машу! Ты где витаешь? — Настя пощелкала пальцами перед лицом подруги. — Я в третий раз спрашиваю: ты пойдешь на вечеринку к Фролову на следующих выходных? Нам нужно собраться всем классом, а тебе жизненно необходимо проветрить голову от твоих мольбертов!

— Насть, ну ты же знаешь, — Маша вздохнула, отодвигая пустую тарелку. — Я и шумные мероприятия — вещи несовместимые. Я там просто сольюсь с обоями.

— Зато Фролов тебя любит! — парировала Настя с хитрой улыбкой. — Ему вообще плевать на обои, если на их фоне стоишь ты.

— Настя... Перестань, — Маша почувствовала, как щеки предательски розовеют, и попыталась спрятаться за чашкой.

Девочки весело рассмеялись.

— Я серьезно! — заявила Настя, театрально взмахнув руками. — Фролов же меня на порог без тебя не пустит. Встанет в дверях, как грустный охранник, и будет высматривать свою Музу. Так что у тебя нет выбора — придется идти, чисто ради спасения моей светской жизни!

А вот и Фролов. Точнее, Арсений. Классический школьный красавчик: светлые кудри, по которым плачет реклама шампуня, голубые глаза и совершенно обезоруживающая улыбка. Весь десятый и одиннадцатый класс этот ангел во плоти ходил за Машей тенью. Хотя «тенью» — это мягко сказано. Периодически он превращался в романтический бульдозер, который своим напором и бесконечными приглашениями на свидания вгонял Машу в полнейший ступор. Девушка, впрочем, виртуозно держала оборону, генерируя отговорки с фантазией заправского шпиона. Фролов ей нравился, но исключительно как друг, с которым можно поделиться запасной ручкой.

Арсений заметил подруг издалека. Эта Машка... Утонченная девушка с тяжелыми темными волосами и огромными синими глазами решительно не давала ему покоя. На уроках он мог изучать ее профиль вместо геометрии, но стоило ему сделать шаг навстречу — включался режим «непробиваемая стена». Вся Машина хрупкость мгновенно испарялась, уступая место железобетонной неприступности.

Фролов горестно вздохнул, мысленно собрался с духом и решительно направился к девчонкам.

— О, свет очей моих! — театрально возвел руки к потолку Арсений. Выдержал паузу и добавил: — И Настя. Привет!

— Привет, Фролов, — фыркнула Настя, ничуть не обидевшись.

— Так, девчонки, слушайте сюда. Приглашаю на вечеринку. И пока ты, Маша, не начала придумывать, что у тебя срочная переключка масляных красок по алфавиту, сразу скажу: там будет весь класс. Явка обязательна!

— И мы придем! — безапелляционно заявила Настя, отрезая подруге все пути к отступлению.

— Привет, Арсений, — тихо поздоровалась Маша, пытаясь спрятаться за стаканчиком с остатками капучино.

Фролов замер, приложив руку к сердцу:

— Ну наконец-то! Хоть кто-то называет меня по имени, а не по фамилии. Маш, скажи еще раз, а? Запишу на диктофон и поставлю на будильник.

Маша густо покраснела.

— Всё-всё-всё, молчу! Не смущаю! — Арсений поднял руки, сдаваясь, и попятился назад. — В общем, жду вас, девчонки! Отказы не принимаются!

Арсений исчез так же стремительно, как и появился.

— «О, свет очей моих»! Ну просто последний романтик, — весело рассмеялась Настя.

— Чувствую, на вечеринке будет очень «весело», — со вздохом отозвалась Маша.

Девушки вышли из торгового центра и неспешно пошли вдоль его бескрайнего стеклянного фасада. Маша скользнула взглядом по гладкой поверхности. Пока они шли, она завороченно наблюдала, как в современных зеркальных панелях причудливо и красиво отражаются старинные здания напротив.

Вдруг у Насти зазвонил телефон. Пока подруга копалась в сумке в поисках мобильного, их шаг замедлился. Маша снова бросила взгляд на витрины и замерла. В стекле, прямо рядом с ней, шагал тот самый молодой человек. Лица снова было не разобрать — лишь высокий силуэт. Зато сама Маша в зазеркалье счастливо улыбалась.

«Странная оптическая иллюзия», — пронеслось в голове.

— Маш, ты чего так серьезно туда уставилась? Что ты там увидела? — голос Насти вырвал её из оцепенения.

— Ничего... — тихо ответила Маша, поспешно отворачиваясь.

Ей вдруг стало не по себе. Что за странное наваждение? Эти образы растворялись так же быстро, как и возникали.

Остаток дня прошел спокойно. Подруги погуляли по набережной, заглянули в книжный магазин, где Настя радостно купила очередную новинку, а затем запаслись свежими красками для Маши.

Распрощавшись у Машиного подъезда, девушки разбежались по домам: Насте не терпелось поскорее нырнуть в чтение, а Машу с головой накрыло вдохновение.

Едва переступив порог, она встала за мольберт. На холсте начал рождаться удивительный сюжет: холодное стекло современности, в котором отражалась теплая, историческая часть города. И там, в глубине этого зеркального мира, стояла она сама, крепко держа за руку высокого незнакомца, с которым они вместе шли сквозь время. А пока ещё одинокая Маша смотрела на них.

Так было положено начало серии картин «Отражение» — пожалуй, самой сильной и искренней в её начинающейся карьере. Вымотанная впечатлениями минувшего дня и ночным творческим порывом, Маша рухнула в кровать и уснула так крепко, что её не разбудил бы даже оркестр под окном.

Утром Валентина Павловна тихонько приоткрыла дверь, чтобы поднять главную соню квартиры. Но вместо того чтобы привычно стянуть с внучки одеяло, бабушка так и замерла на пороге, тихонько ахнув. От полотна на мольберте исходило столько мягкого, живого света и щемящего тепла, ожидания встречи, что перехватывало дыхание.

— Вставай, радость моя, — срывающимся от нежности голосом позвала бабушка. — Школа ждёт мою талантливую девочку. Машенька... это просто шедевр.

— Угу, встаю, ба... — пробормотала Маша, сползая с кровати по траектории стекающего теста. Она бросила сонный взгляд на холст, довольно улыбнулась своему творению и побрела совершать утренний ритуал превращения из зомби в школьницу.

У подъезда её уже переминалась с ноги на ногу Настя. Под веселое щебетание подруги они дошли до школы и привычно влились в шумный поток учеников.

В классе кипела жизнь. Арсений Фролов, как и положено главному красавчику школы, восседал на парте в плотном кольце друзей и хихикающих девчонок. Но стоило Маше появиться в дверях, как школьный Казанова мгновенно потерял нить разговора и просиял.

— Приветствую тебя, моя несравненная художница! — Арсений картинно приложил руку к груди. — И Настя, привет!

— Привет-привет, жертва великого искусства, — привычно парировала Настя, увлекая смущенную Машу к их парте.

И ровно в эту секунду над ухом пронзительно задребезжал звонок на урок.

Учебная неделя пролетела как один день. Для Арсения её расписание состояло из трех основных пунктов: неудачно пошутить, чтобы привлечь внимание Маши; тяжело, по-театральному вздохнуть, когда она снова спрячется за своей броней; и бесконечно о ней мечтать.

Её загадочная, закрытая от посторонних творческая натура манила его с непреодолимой силой. Ну что прикажете делать, если эта тихая девчонка с бездонными синими глазами въелась под корку так, что ничем не вытравить?

Мысль о том, что школа вот-вот закончится, пугала Фролова до холодка в животе. Скоро разлетятся кто куда, и он больше не сможет видеть её каждый день на уроках. Одно только присутствие Маши в классе работало для него как лучший в мире мотиватор. Самое смешное, что из-за этой безответной влюбленности у Арсения буквально выросли крылья: чтобы хоть как-то соответствовать её уровню, он неожиданно для самого себя взялся за ум, подтянул оценки и начал пахать в спортзале до седьмого пота. Всё ради того, чтобы однажды эта упрямая художница посмотрела на него не как на назойливую муху, а как на парня.

«Ох, Маша, моя ты Маша...» — мысленно сокрушался Арсений, глядя в потолок своей комнаты.

Вся его надежда теперь держалась на грядущей вечеринке. План-минимум: выловить её в толпе без бдительной охраны в лице Насти и просто нормально поговорить. План-максимум, от одной мысли о котором предательски потели ладони: пригласить её на выпускной. Если бы она согласилась, это была бы абсолютная, недостижимая мечта.

К вечеринке Настя собирала не только себя, но и Машу. Она сделала подруге легкий макияж, уложила её тяжелые темные волосы в роскошные локоны и подобрала стильный наряд, завершив образ изящными золотыми босоножками.

— Машка, ты просто куколка! Какая же ты красивая! — искренне восхитилась Настя.

Маша смущенно разглядывала себя в зеркале. Она почти не узнавала эту яркую девушку в отражении, но новый образ ей определенно нравился.

— Насть, тебе смело можно идти в стилисты, — с улыбкой призналась она.

Девушки в обнимку сделали пару селфи и записали смешное видео, на котором наивно и беззаботно дурачились. Зарядившись отличным настроением, юные и абсолютно счастливые, они наконец выдвинулись на вечеринку.

По пути Маша завороченно любовалась вечерним городом. Она вглядывалась в мягкий свет золотых фонарей, стараясь впитать и навсегда запомнить каждую деталь. Этот теплый майский вечер... Их последний школьный май. Тонкая, едва уловимая граница, за которой начиналась совсем другая, взрослая жизнь.

Лифт доставил девушек на нужный этаж. Уже на лестничной клетке было шумно: там, предвкушая веселье, толпилась группка одноклассников. Парни одобрительно присвистнули, девчонки тут же принялись разглядывать Машин наряд — атмосфера царила самая праздничная.

В этот момент входная дверь распахнулась. Арсений, словно шестым чувством уловив приближение своей Музы, появился на пороге и... замер. Казалось, у главного школьного оратора внезапно отключился речевой аппарат. Он во все глаза смотрел на преображенную Машу с роскошными локонами и в золотых босоножках.

— Привет, прекрасная незнакомка... — наконец выдохнул Фролов, с трудом возвращаясь в реальность. И по привычной инерции добавил: — И Настя.

— Фролов, у тебя процессор завис? — тут же рассмеялась Настя, пощелкав пальцами перед его носом. — Какая незнакомка? Это всё та же наша Маша. Тебе что, к выпускному уже очки пора выписывать? Если ослеп от красоты — моргни два раза!

— Привет, Арсений, — мелодично рассмеялась Маша. В этом ярком образе она чувствовала себя на удивление смело.

Услышав свое имя, Фролов окончательно растаял. Он широко распахнул дверь, делая театральный приглашающий жест, и громко, чтобы услышала вся шумная квартира, провозгласил:

— Народ, минуточку внимания! Можете выключать люстры, мы переходим на солнечную энергию! В дом вошла наша Маша! Ну и Настя — бессменная служба безопасности.

— Служба безопасности сейчас тебе ребра пересчитает, романтик, — хохотнула Настя и ощутимо ткнула гостеприимного хозяина локтем в бок.

Арсений картинно схватился за бок, но сияющих глаз от Маши так и не оторвал.

— Напитки и еда — в вашем полном распоряжении! — Арсений широким жестом обвел стол, ломящийся от коробок с пиццей, башен из мини-бургеров и батареи разноцветной газировки.

Родители у Сени были мировые: не просто согласились на эту авантюру с домашней вечеринкой, но и тактично испарились. Правда, с одним железным условием — ни капли алкоголя. «Хочешь настоящего драйва? Учись ловить кураж без допингов», — сказал отец. И Арсений был намерен доказать, что это возможно. Басы из портативной колонки уже заставляли вибрировать стекла, а кто-то из одноклассников вовсю раскачивал импровизированный танцпол.

Арсений, словно невзначай, оказался рядом с Машей. Наклонившись ближе, он попытался по-хозяйски приобнять ее за талию, но девушка неуловимым движением скользнула в сторону. Ее глаза предупреждающе сверкнули, как у рассерженной кошки. В ответ он лишь озорно, почти нагло, улыбнулся. Эта игра в кошки-мышки ему чертовски нравилась.

Внезапно музыка оборвалась, сменившись гудящей тишиной.

— Так, банда, минуточку внимания! — перекрывая гул голосов, крикнул Арсений, вскидывая пластиковый стаканчик. — Созрел тост! Мы собрались здесь, чтобы навсегда проводить нашу юность! — Он рассмеялся, поймав на себе пару насмешливых взглядов. — А если серьезно... Я просто рад видеть вас всех. Хочу, чтобы мы запомнили этот вечер и могли вот так же легко собираться нашим классом всегда. Всех люблю! За нас! Ура-а-а!

Комната взорвалась «звоном» пластика, смехом и радостными объятиями.

На самом деле, у этого идеального праздника была ровно одна скрытая цель — Маша. И Арсений заметно нервничал. Прямо сейчас объект его планов был безнадежно увлечен болтовней с Настей. Как бы изящно нейтрализовать подругу?

Арсений стоял в стороне и сверлил Настю таким мрачным, тяжелым взглядом, что, казалось, в воздухе летели искры. Ага. Идеально. Нужно срочно подбить Кирилла пригласить Настю на танец.

Кирилл — лучший друг Фролова — подпирал стену неподалеку. Высокий, широкоплечий (спасибо многолетней гребле), с непослушной каштановой челкой и золотисто-карими глазами и вздёрнутым носом чуть тронутым задорными веснушками. Скромный, немногословный, но дьявольски умный парень. Девчонки по нему тайно вздыхали, даже не подозревая, что его сердце давно и безнадежно капитулировало перед язвительной Настей.

Никто об этом не знал. Никто, кроме наблюдательного Арсения. Уж тем более сама Настя. Знай она, сколько раз ее острый язычок мог довести до беды, если бы не невидимый щит в лице Кирилла! Стоило кому-то косо посмотреть в ее сторону, как этот тихий парень мгновенно преображался. Одной его жесткой, брошенной ледяным тоном фразы хватало, чтобы любой обидчик растворился в воздухе. А Настя? Настя свято верила в свою феноменальную удачу и личную неуязвимость.

Ирония заключалась в том, что Настя тоже была к нему равнодушна. Но ее гордость была высотой с Эверест — первый шаг она не сделала бы ни под каким дулом пистолета.

Так они и продолжали эту бесконечную партию в шахматы: стояли по разным углам шумной комнаты и тайком бросали друг на друга полные скрытой тоски и невысказанных слов взгляды. Но сегодня Арсений решил сыграть в Купидона. Ради них. И, конечно, чуточку ради себя.

Сеня бесшумно вынырнул из толпы и материализовался рядом с Кириллом. Схватив друга за локоть, он наклонился и заговорил быстро, почти шепотом:

— Кир, ты мне как брат, спасай. Пригласи Настю на танец. Очень надо. Пока они вдвоем, к Маше не подобраться, шансов ноль. Будь другом, отвлеки огонь на себя!

Кирилл, до этого флегматично потягивавший колу, поперхнулся и округлил глаза. Он посмотрел на Фролова так, словно тот предложил ему выпрыгнуть в окно.

— Нет-нет-нет, тормози. Танцы — это вообще не мое. И... Настю? Ты серьезно? — его голос дрогнул, выдавая то, как сильно эта идея ударила по натянутым нервам.

— Значит так, — Сеня прищурился и пошел с козырей. — Если ты не расшевелишься сейчас, а потом не позовешь ее на выпускной, твоя птичка упорхнет. Я краем уха слышал, что Серёга собирается подкатить к ней насчет бала. Так и будешь стоять в тени и смотреть со стороны? Хотя... тебе же не привыкать.

Это был точный удар ниже пояса. Взгляд золотисто-карих глаз Кирилла мгновенно потемнел. Он метнул тяжелый взор в другой конец комнаты: Серёга и правда хищно кружил неподалеку, не сводя глаз с Насти.

И тут, словно по невидимому сценарию, ритмичный бит сменился первыми, тягучими гитарными аккордами медляка.

Серёга тут же отмер и, распахивая одноклассников, как ледокол, рванул к Насте. Но он не учел одного — реакции спортсмена. Кирилл сорвался с места со скоростью выпущенной стрелы. Сказались годы гребли: он ловко и жестко вклинился в толпу, технично отрезал Серёгу плечом, заставив того растерянно отшатнуться, и вырос прямо перед светловолосой девушкой.

— Настя, — его голос звучал чуть хрипло, но неожиданно твердо. — Пойдем потанцуем.

На лице Насти за секунду сменился целый калейдоскоп эмоций. Ее привычная язвительная маска треснула, уступив место искреннему шоку, легкому испугу и, наконец, тщательно подавляемой, но такой яркой девичьей радости. Она неуверенно, почти робко кивнула.

Маша, стоявшая рядом, тут же опустила глаза, пряча счастливую улыбку за упавшей на лицо прядью. Она-то давно чувствовала, что этот угрюмый, тихий парень запал ее подруге глубоко в душу.

Путь был свободен. Арсений шумно выдохнул, одернул футболку и сделал шаг к Маше. Никаких шуточек. Никакой привычной наглости. Он просто подошел и молча протянул ей руку. На его губах играла мягкая, невероятно открытая улыбка, а во взгляде читалось такое неподдельное восхищение, что вся Машина колючесть куда-то испарилась.

Она сдалась. Легко вздохнув, девушка вложила свою хрупкую ладонь в его руку, и он бережно увел ее на середину комнаты, где танцевали другие пары.

Арсений осторожно приобнимал Машу за талию, чувствуя под пальцами мягкую ткань ее платья. До него доносился едва уловимый, сладковатый запах ее волос. Вся она — от изящной линии плеч до опущенных ресниц — казалась ему невероятно хрупкой и нежной.

— Маша... — его голос слегка дрогнул, выдавая волнение. — Я должен с тобой поговорить.

Она медленно подняла голову. Встретившись с ней взглядом, Арсений понял, что сдался без боя. В глубокой, чистой синеве ее глаз хотелось раствориться. Он тонул в них, и это падение было самым прекрасным чувством в его жизни.

— Пойдешь со мной на выпускной? — слова сорвались с губ быстрее, чем он успел их взвесить. — Я хочу, чтобы мы были там вместе. Согласен даже на статус друзей, лишь бы ты была рядом. Честно, мое сердце просто разорвется, если я увижу тебя с кем-то другим. Прошу, скажи «да».

Повисла звенящая тишина. Маша тяжело вздохнула, словно решаясь на что-то важное.

— Хорошо, Сеня. Но учти... — она сделала паузу, — только как друзья.

Холодок тревоги в его груди мгновенно растаял. Арсений запрокинул голову и рассмеялся счастливым, полным облегчения смехом. Сейчас эти условности не имели никакого значения.

Последние аккорды медленного танца растворились в гуле голосов. Арсений мягко выпустил Машу из объятий. Поблагодарив его вежливой улыбкой, она направилась к Насте, но вовремя остановилась: подруга о чем-то оживленно болтала с Киром. Маша никогда прежде не видела Кира таким — он улыбался открыто, почти беззащитно, глядя на Настю с нескрываемым обожанием. Со стороны казалось, что между ними давно существует тайная, понятная лишь им двоим связь.

Не желая разрушать этот хрупкий момент, Маша выскользнула на балкон. Прохладный весенний воздух приятно остудил разгоряченную кожу. Вдох... Выдох. Она крепко сжала руками перила. Густой, пьянящий аромат майского вечера почему-то смешивался с глухой тревогой. Скоро предстоит выйти в свет в паре, и хотя они с Арсением идут просто по-дружески, от самого осознания этого шага на душе становилось беспокойно.

Позади тихо щелкнула ручка балконной двери. Полоска теплого света из зала скользнула по полу, но дверь тут же закрылась — кто-то передумал выходить. Маша машинально обернулась и замерла.

В темном стекле застыло отражение. Но это был не кто-то из гостей. Силуэт незнакомого молодого человека с печально опущенной головой. Он не стоял по ту сторону двери — он находился внутри самого зеркального полотна. Медленно, словно растворяясь в ночной тени, образ начал отдаляться, уходя в бесконечную глубину зазеркалья. В груди кольнуло от внезапной, пронзительной тоски, словно Маша теряла кого-то очень близкого.

Силуэт растаял. Маша замороженно приложила ладонь к холодному стеклу. Что это за наваждение? Игры уставшего разума или нечто большее?

Сквозь это же стекло она посмотрела на оставшихся в зале друзей. Там кипела понятная, земная жизнь. Настя все так же сидела рядом с Киром. Арсений, привычно купаясь во всеобщем внимании, увлеченно что-то рассказывал. А чуть поодаль стоял Сережа, бросая на Настю грустные, полные неразделенного чувства взгляды.

«Мои родные одноклассники, — с теплотой подумала Маша. — Как же мне повезло быть частью этого круга, повезло с моей Настей».

В этот момент Арсений обернулся, поймал ее взгляд сквозь стекло, ослепительно улыбнулся и приветственно помахал рукой. Маша ответила вежливым кивком, но внутри всё мол-

чало. Никакого трепета. Она видела, как зарождаются и ранят чужие чувства, но сама ни разу в жизни не испытывала романтического притяжения к реальным людям.

Ее сердце оставалось равнодушным. Так почему же оно сжимается от боли или ожидания, когда она видит эти призрачные силуэты? В чем их посыл? Что скрывается за пеленой стекла?

Расскажи она об этом хоть кому-то — решат, что сошла с ума. Но отнимая ладонь от окна, Маша знала точно: эта тайна ждет именно её.

Тёплый вечер располагал к неспешной прогулке. Они шли вчетвером: Настя с Кириллом о чём-то тихо ворковали впереди, а Маша с Арсением плелись на пару шагов позади.

— О, Мари! Моя несравненная Мари, вы прекрасны, как эта лунная ночь! — с пафосом шекспировского героя вдруг выдал Арсений.

Пока бдительные соседи не видели, он ловко сорвал с ближайшей клумбы несколько несчастных ромашек и с глубоким театральным поклоном вручил их Маше.

— Знаешь, Маша, — уже серьезнее, но с мечтательной улыбкой продолжил он, — когда-нибудь ты обязательно пригласишь нас на свою грандиозную персональную выставку. Настя напишет о тебе разгромную, но гениальную статью в самый модный журнал. Я, как истинный ценитель, скуплю все твои шедевры... Ну а Кир... Кир просто станет чемпионом Олимпийских игр и будет помогать мне носить эти картины до дома!

Вся компания дружно прыснула со смеху. Вечер и правда выдался просто чудесным.

— Спасибо за классный вечер, Фролов, — тепло улыбнулась Маша. — Знаешь, а ты иногда можешь быть настоящей душкой.

— А иногда — редкостным душнилой! Без обид, брат! — весело прилетело спереди от идущего в обнимку с Настей Кира.

— Критика принята! — рассмеялся Арсений, ничуть не смутившись.

Они проходили мимо огромного офисного здания. В его темных стеклянных фасадах таинственно отражался свет желтых фонарей и пляшущие тени деревьев. Маша, как натура творческая, всюду вглядывалась в эти стеклянные лабиринты, втайне надеясь увидеть там отражение «чего-нибудь особенного»... Или, может, «кого-нибудь». Но витрины хранили свои секреты.

Вот и знакомая дверь Машиного подъезда. Пора прощаться. И тут Арсений, совершенно неожиданно для всех, подался вперед, быстро и тепло поцеловал Машу в щеку и тут же отскочил на безопасное расстояние, как нашкодивший кот. Он стоял, смеясь, и с хитрым прищуром наблюдал за её реакцией.

— Я исключительно по-дружески! — вскинув руки в примирительном жесте, лукаво заявил он.

Маша шумно выдохнула, пытаясь спрятать вспыхнувший румянец и смущенную улыбку за подаренными цветами.

— Ну всё, пока, ребят! — рассмеялась она и спасительно юркнула за тяжелую дверь подъезда.

Проскользнув в квартиру, Маша бережно поставила подаренные цветы в маленькую стеклянную вазочку. Бабушка ещё не спала, ожидая внучку.

— Ну что, моя девочка, хорошо погуляли? — тепло спросила она и, лукаво улыбнувшись, кивнула на скромный букетик. — Вижу, что вечер удался.

— Да, ба, — Маша не смогла сдержать счастливой улыбки. — Я ни капельки не пожалела, что сходила. Всё, я спать, сил совсем нет!

Добравшись до своей комнаты, она с приятной усталостью опустилась на кровать и уютно укуталась в мягкое одеяло. Сон уже почти сморил её, но рука по привычке потянулась за телефоном — пролистать свежие статусы одноклассников. Внезапно она замерла. На экране светилась их с Арсением фотография, украшенная интригующей подписью: «Кажется, у нас тут что-то намечается...»

Она долго рассматривала снимок. Со стороны они и правда смотрелись удивительно красивой, гармоничной парой. Арсений, высокий и уверенный, так бережно и нежно обнимал её в танце, а она казалась такой хрупкой и миниатюрной рядом с ним.

Почувствовав, как внутри разливается приятное тепло, Маша искренне улыбнулась своим мыслям. Она отложила телефон на тумбочку, закрыла глаза и, убаюканная воспоминаниями об этом волшебном вечере, незаметно провалилась в сладкий сон.

Ей снился её любимый мост. Маша часто приходила сюда наяву — это было её личное, сокровенное «место силы». С высоты открывался захватывающий дух вид на город: по реке неспешно скользили прогулочные катера, а в водной глади, словно в огромном зеркале, отражались плывущие облака. Здесь всегда дышалось полной грудью, было так легко думать, мечтать и искать ускользающее вдохновение.

Но сегодня в её сне всё было иначе. Она оказалась на мосту не одна. В самом центре, ровно на том месте, где обычно стояла она сама, замер высокий силуэт молодого человека. Ветер слегка трепал его тёмные волосы, а сам он неотрывно смотрел вдаль, пока не замечая её присутствия.

Маша сделала несколько шагов навстречу, но нерешительно остановилась в десятке шагов от него. Странно, но страха перед незнакомцем не было совсем. Вдруг он обернулся. Его взгляд заскользил по её лицу — внимательный, немного растерянный, словно он никак не ожидал встретить здесь кого-то ещё. Внутри у Маши даже шевельнулось забавное чувство собственности: в конце концов, это ведь её сон и её место!

— Привет, — его голос прозвучал мягко, нарушив тишину. — Красиво здесь.

— Привет, — эхом отозвалась Маша. — Да. Это лучшее место в городе. С самым невероятным видом.

Незнакомец чуть заметно улыбнулся, и в этот момент его лицо преобразилось, став удивительно притягательным. На щеках проступили очаровательные ямочки, от которых Маша буквально не могла отвести взгляд.

— Ты часто сюда приходишь? — поинтересовался он.

— Да... — тихо ответила она. — Особенно люблю бывать здесь на закате.

И, словно откликаясь на её слова, пространство сна послушно изменилось. Как по волшебству, небо мгновенно вспыхнуло алыми, персиковыми и золотыми оттенками. Закатное солнце залило всё вокруг мягким, тёплым светом, превратив пейзаж в ожившую картину.

— Ого... — выдохнул парень, завороченно глядя на горизонт. — Ты права. Это просто невероятно.

Он сделал несколько медленных шагов навстречу, сокращая разделявшее их расстояние. Маша смущённо подняла голову, рассматривая высокого незнакомца вблизи. Когда он повернулся к ней, она впервые ясно увидела его глаза. Глубокие, пронзительно-зелёные, в обрамлении густых, пушистых чёрных ресниц. От этого взгляда сердце Маши сладко дрогнуло и пропустило удар.

— А у тебя глаза синие... — завороченно произнёс он, словно напрочь забыв о закате. — Никогда ни у кого не видел таких огромных, бездонных синих глаз.

Он плавно протянул руку и едва ощутимым, бережным движением заправил выбившуюся прядь за её ухо. Маша замерла, шумно выдохнув воздух, который внезапно закончился в лёгких. А он просто стоял рядом, не сводя с неё взгляда, и продолжал тепло улыбаться. Ох уж эти ямочки...

Маша резко распахнула глаза и рывком села на кровати. Сердце гулко стучало о рёбра, а дыхание сбилось, словно она и правда только что стояла на том мосту. Что это сейчас было? Надо же такому присниться...

За окном уже занимался рассвет, разгоняя сизые сумерки. Маша босиком подошла к подоконнику и распахнула створки. Небо только-только начинало наливаться нежным жем-

чужно-розовым светом. В комнату тут же ворвался свежий, прохладный утренний ветер. Маша зябко поёжилась, обхватив себя руками, но внутри всё ещё горело странное, волнующее тепло от прикосновения из сна.

Схватив скетчбук и карандаши, она с лихорадочной поспешностью склонилась над чистым листом. Ей было жизненно необходимо поймать, зафиксировать этот образ, пока он не растаял без следа. Штрих за штрихом на бумаге начали проступать черты незнакомца. Она рисовала по памяти, но так уверенно, словно он стоял прямо перед ней: его пронзительные глаза, эту красивую полуулыбку и сводящие с ума ямочки на щеках...

Маша замерла над рисунком, вспомнив его глубокий, бархатистый голос, от которого по спине бежали мурашки. Как такое вообще возможно? Разве сны могут быть настолько осязаемыми и пугающе реальными? Ведомая внезапным вдохновением, она полностью растворилась в своих набросках и утренней тишине, совершенно потеряв счёт времени.

Маша была сама не своя. Она не отрываясь смотрела на получившийся портрет, и где-то в груди сладко щемило. Отчего-то до одури захотелось встретить именно такого парня в реальности. Кто же он, этот таинственный зеленоглазый незнакомец?

Дверь тихонько приоткрылась, и в комнату заглянула Валентина Павловна.

— Вставай, моя соня! А, ты уже не спишь? Никак очередное вдохновение нахлынуло? — бабушка подошла ближе и с любопытством взглянула на рисунок. — Это он тебя вчера провожал? Какой красавец! А ямочки-то какие на щеках!

— Нет, ба, — со вздохом ответила Маша. — Этот парень мне просто приснился.

— Надо же, — усмехнулась бабушка. — Цветы дарит один, а снится совсем другой. Знакомый хоть?

— Нет. Абсолютно таинственный незнакомец.

Бабушка по-доброму улыбнулась и лукаво прищурилась:

— Ну, значит, суженый твой. Может, будущий жених во снах заблудился.

Маша звонко рассмеялась, сбрасывая с себя утреннее наваждение.

— Пойдем завтракать, ба! Любовь любовью, а кушать хочется всегда.

За чаем они весело болтали обо всем на свете.

— Бабуль, я прогуляюсь немного. Погода на улице просто невероятная! — сказала Маша, вскакивая из-за стола.

Она надела свой любимый белый сарафан, в котором чувствовала себя почти невесомой, влезла в легкие босоножки и вприпрыжку сбежала по лестнице.

Залитые солнцем улицы вывели её к нужному месту. Вот он — её мост. Маша, словно замороженная, дошла ровно до середины, до той самой точки из сна. Отсюда и правда открывался самый красивый вид. Она прикрыла глаза, заново переживая ночное видение: этого невероятного парня, его магнетический взгляд и глубокий голос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.